

Советский и российский писатель, журналист Анатолий ОМЕЛЬЧУК отвечает на вопросы издателя и общественного деятеля Аркадия ЕЛФИМОВА.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Дорогой друг, я в апреле 2025 года ответил на твои вопросы, и получилось славное интервью, которое опубликовала газета "Завтра" к моему 75-летию. А теперь я попробую сформулировать свои вопросы к твоему 80-летию. И уж не обессудь, у меня нет, как у тебя, такого журналистского опыта, ведь ты занимался вопрошанием людей, природы, истории, бытия всю жизнь, в твоём архиве тысячи и больше бесед с разными людьми. А теперь побеседуй со мной.

Известно, что наш Д.И. Менделеев в конце жизни скрупулёзно, как и всё, что он делал в своей жизни, после 70 лет отредактировал все свои научные статьи, публикации, книги, выступления, открытия — и подвёл итог. И выяснил, что главное, что он за свою жизнь сделал, — это книги "Заветные мысли", "К познанию России", "Заметки о народном просвещении" и др. Ты тоже созидатель возрожденческой мощи, хотя свои произведения переписывать не будешь. Но оценишь своё совокупное творчество сможешь. Что из сделанного ты считаешь самым важным? Что удалось тебе более всего? И что ещё предстоит?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК. Люблю бывать в Верхних Аремзянах, на родине Дмитрия Ивановича. Постоянно встречаюсь с читателями — в школе, клубе, библиотеке. Юные земляки Менделеева книжки читают.

Что удивляет: Верхние Аремзяны — святое место России. Дмитрий Менделеев — главный мудрец Российской империи. В Верхние Аремзяны должно быть современное паломничество, как в Михайловское, Холмогоры, Овстуг. Но память о великом земляке ограничивается крохотным школьным музейчиком. Сосед Аремзян — грандиозный Тобольский нефте-

русский язык — залог счастливой жизни

Говорит писатель Анатолий Омельчук

химкомплекс. Владелец ТНХК — могущественный "СИБУР". Казалось бы, ну что мешаёт возродить старинное сибирское село, менделеевскую родительскую усадьбу, проложить всенародную менделеевскую тропу. Ведь на наследстве менделеевской таблицы "СИБУР" жидётся... Но мудрецы, сдётся, всегда не ко времени.

Что касается моего главного... Детей вырастил — дети хорошие; дом построил — деревянный, как отцовский; дерево посадил — у меня целая домашняя тайга: полсотни кедров, лиственниц, сосен, елей, пихточки, голубая ёлка. Сын я, наверное, не самый лучший, но мать честно гордилась. Муж — старательный, надёжный. 55 лет счастливой жизни с идеальной женой. Отец — ответственный, обязательный. Дед — верится, любимый. Что ещё? Брат для трёх сестёр — заботливый.

Кратко: Бога, надеюсь, не подвёл. Надежды отца-матери, надеюсь, оправдал. Пятюк ещё лет назад, наверное, принялся бы рассказывать, чего в жизни добивался и добился. Сегодня...

Согласен со мной? Вне человека Бога не существует. Бог — это твоё божественное предназначение. В этом предназначении — всё главное. Надеюсь, я совпал.

Итоги творческой жизни подводить не собираюсь. Но промечтучно: только что выпустил полный флешбук "Сибирская saga — 8" (в этой книге фильмов — пять циклов: "Сибирь — сон Бога", "Полярный круг человечества", "Гордость Тобольска", "Счастли- вый гений", "Время Сибири"); снято 88 документальных фильмов ("Земля Ермака" — в 1990 году, последний фильм "Автопортрет на фоне Земшара" с Эдуардом Ульбиным мы закончили в 2025 году); в работе флешбук "Книга Сибири — 69", в этой книге-библиотеке — 69 моих написанных книг и книжных проектов.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Что такое эти книжные проекты?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК. У меня, к примеру, есть "Книга слов". Великий мастер Минсалим изготoвил её на страницах из ма-монтового бивня. 15 уникальных экземпляров. Есть аудиокниги, есть "Антология" — музыкальная звуковая дорожка (200 треков) моего поколения.

Из типографии "Тюменского дома печати" вышел самый последний мой труд с претензией на монументальность — "Всё. Это. Есть. Всегда".

Аркадий ЕЛФИМОВ. Понятно, что человек создаёт себя сам, и это высшее творение из всех возможных человеческих творений. И всё же... Есть родовые корни, заветы предков. В какой степени ты связываешь свои жизненные победы с родительскими генами, с воспитанием? Передаётся по крови или

приобретается в жизненных бо-рениях ген азарта к жизни, како-вым ты обладаешь?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК. Недавно с дочкой Юлей и внучкой Аней съездили на родину мамы, в де-ревню Тушевую, это Белая Русь. В 1925 году мой дед Кузьма Мар-кович добровольно отправился в Сибирь на свободные пашенные земли. От Тушевой до сибирской Сарафановки — пять тысяч транс-континентальных вёрст. В дедовом обозе и маленькая Таня. Ей пять лет. Они шли весну — лето — осень. Пять тысяч вёрст! Пяти-летняя девочка часть пути шла босиком — обувку берегла. Дождь, слякоть, грязь, пыль. Европа, Урал, Азия, Сибирь.

Какой Грум-Гржимайло сравнит-ся с моей великой мамкой!

Родина начинается с мамкиной титыки. Родовое впитываешь с мо-локом матери и становишься тем, чему предназначен.

Я благодарен за свою родную Сибирь святому благоверному ве-ликому князю Александру Невско-му и деду Кузьме Марковичу.

Отец — отчество, отчествово, отчизна и, кстати, патриотизм (patria). Мать — родовая кровь, любовь к родному.

Моя крестьянская мама Татьяна Кузьмовна — подлинная интелли-гентка. Ведь первый признак на-стоящего интеллигента — никаких претензий к родине, все претензии только к себе.

Помнишь, ты возил меня в Омск — презентовались в Муром-цево, трапезничали в Таре, ноче-вали в Окунёво, священнодейство-вали на Пяти озёрах? Что-то по дороге меня насторожило: Омск и Омельчук как-то синхронно на-чинаются. Все мы из санскрита. Всё-таки я филолог и докопался: "Ом" — главная фонема в сан-скрите: слово Бог, словоБог, Тво-рящее Начало. Моя простенькая фамилия пафосно стартует фо-немой Творящего Начала. Самый несмышлёный догадается: это, понятно, не приговор, но обяза-тельное предназначение — ты владелец, носитель Творящего На-чала. Вот так — едешь в омское Окунёво, а возвращаешься к свое-му творческому фундаменту.

продолжалась эпоха вырождения, ты начал её новый ренессанс. Каждый человек, который при-нимает участие в твоих проектах, сам переживает этап собственного воз-рождения. Альманах "Тобольск и вся Сибирь" объединяет всю твор-ческую Сибирь.

У тебя много друзей-соратни-ков, а ведь ренессансных людей всегда на эпоху — штучно. Я очень медленно открывал для себя твой природный парк "Ермаково поле", но, слава богу, рос вместе с ним и — открыл. Оказалось, что высо-кое симфоническое искусство пар-кового строительства — это работа Творца, сотворение. Ты творишь живую природу, единственный раз искусство растёт, цветёт, умыва-ется дождями, привлекает птиц и воскресает на восходе. Это пример для России, цивилизации Россия.

А какое чёткое слово ты нашёл: возрождение. Рождение, роды, род, родова, Родина... Рождение Родины в твоей душе. Встреча с "Возрождением" — возрождение человека. Спроси Фёдора Ивано-вича Гиренка.

Возрождение — это же куда сильнее, чем воскрешение. Родное.

Ответил? И честное мужское тебе, Аркадий, спасибо за неожиданный дар. Как ты шедеврально издал мой незамысловатый текст "Русский свет "Ермакова поля" — невероятно! Только ради этого стоило попасть в актив фонда 30 лет назад.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Всех нас печалит то или другое из неосу-ществлённого. А что тебя печа-лит особо? Или неосуществлён-ное вдохновляет?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК. Печа-ль — сладкий удел юности. Да, неосуществлённое манящее. В Тю-мени так и не появился памятник первооснователям города.

Не создана целевая историче-ская программа "Тюмень — 650 лет". Тем более: Тюмень тысяче-летняя. Ныне Тюмени законные 650 лет (по Каталонской карте), а отмечаем 439.

Царская набережная — ули-ца Царская — Царёво Городи-ще — Царская пристань. Или ты

27 февраля Анатолию Константиновичу Омельчуку исполняется 80 лет. Редакция газеты «Завтра» сердечно поздравляет юбиляра. Желаем сибирского здоровья, а также долгих и радостных лет наполненной творчеством жизни!

тие, известный всему любопыт-ствующему миру.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Твоя любимая Тюмень в силах ли поставить памятник Ф.М. До-стоевскому?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК. А куда ей деться! Тем более что мэру Тю-мени это предложили мы с тобой. В 1858 году, возвращаясь с катор-ги-сылки в солдатской шинельке, Фёдор Михайлович, попав в за-трапезный уездный городишко, не удержался, воскликнул: "Тю-мень — великолепный город!"

Он — первый. Все досточтимые описатели Тюмени и тогда, да и сегодня в один голос: затрапеза, скука, вонь, пьянь, грязь, разврат и жадность. И только вольный Достоевский сумел

провидчески разглядеть сибирский городок на берегу Туры: "Велико-лепный!" Не авансом, достоверно дотовеевски, сейчас и здесь. Слова классика проятся на герб города. Мировой пиар! Не сто-лица деревень, не нефтяная по-мойка, не интеллектуальная яма. "Великолепный город!" Для оконча-тельного великолепия Тюмени не хватает только памятника вдохно-венному Фёдору Михайловичу.

В характере тюменцев есть такая неважнеющая чёрточка: они крайне стеснительны и не умеют восторгаться своим городом. Тюмень — столица света. Коли-чество солнечных дней в году — рекорд, как у солнечного чемпиона России — Кызыла, под 300. Тю-мень — город солнца. Тюмень — город яркого солнца. Тюмень — ли-дер российского счастья. Кстати, в паре с Казанью. Обречены на ве-чную дружбу. Чимги-Тура входила в Казанское ханство, но и Казань входила в Тюменское ханство. Тю-мень — великолепный город!

От молодого радиорепортёра я недавно услышал вопрос: "Почему в семидесятых Тюмень называли "городом холостяков"? Обомлел. Сам такого никогда не слышал. Это ж надо так приложить родной город... Город холостяков? Кто тебе сказал, от кого ты услы-шал адакую мерзость? Вырви ему язык! Тюмень — город завидных женихов. Всегда. Начиная с 1586 года: 300 от-борных, избранных воинов-каза-ков-первостроителей. Сибирь — страна невест. В Сибирь — за невестами.

Тюмень женихов — сборная Российской империи. Сборная Советского Союза. Сборная Рос-сии. Сборная отборная. Понят-но, менталитет великотюменцев меняется, но очень потихонечку. Тюмень — гордость великолепной блистательной России.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Мы все за сохранение русского языка. Но сегодня никак не можем его защитить. Уж вроде всё о нём сказано русской литературой и тем же Иваном Сергеевичем Тургеневым. Не ощущаешь ли ты себя "одним в поле" с классиком?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК. Русский язык — гениальный! Стихия. Океан. Бездна. Русский язык — залог счастливой жизни. В русском язы-ке есть все слова для счастливой жизни. В русском языке есть все слова, чтобы объяснить Непости-жимое Начало.

Понятно, все мы в Евразии из санскрита: одного языкового корня, единой праматрицы.

Но слишком беззастенчиво и откровенно Россию вытесняют из родного языка.

Языковая оккупация не всег-да заметна.

Языковой колониализм — са-мый страшный, потому что, боюсь, самый эффективный.

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте завтра.ру

Чужесловие порождает чуже-мыслие. Автоматически — ты, штучное творение Бога, родивший-ся в гениальном русском языке, не хочешь жить свою русскую жизнь? Хочешь — чужими мыслями и чу-жими словами?

Как филолог что-то не припом-но, бывали ли языковые войны, войны за родной язык. СВО — пер-вая? Русский непобедим. Но не-которым из нас почему-то хочется сдать-ся в англосаксонский языко-вый плен. Измену родным словам приравниваю к измене родине, де-зертирству — бегству из окопа на передовой в войне за русский язык.

Особый спрос к тем, кто пишет государственные документы.

Как всякий воин присягает чуже-родной стране, так всякий чиновник на службе российского государства обязан давать присягу верности

родину русскому государственно-му языку. За нарушение присяги — как за измену. Всё моё писательское често-любие заключается в одном — чтобы эта моя фраза "Русский язык — гениальный!" ушла, что называется, в народ, запомни-лась и сохранилась. Хотел бы этими словами остаться в оте-чественной литературе.

Аркадий ЕЛФИМОВ. А как ты понимаешь "Конька-Горбун-ка"? Это национальный эпос России или по-журналистски — ещё одна сенсация в новых его изданиях фонда "Возрождение Тобольска"?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК. Это очень важная вещь. Россия ищет свою национальную идею. Навер-ная идея объективно существует, присутствует в объективной реаль-ности, но отчего-то не формули-руется. Я как-то призадумался: а ведь у нашей матушки России нет и своего национального эпоса. Такого глубокоисторическая суперконтин-ентальная нация, как наша, и не имеет эпоса.

Годится ли на эту роль ершов-ский "Конёк-Горбунок"?

На родине Петра Павловича в Ишиме (кстати, "литературный город России") весь XXI век прово-дятся Ершовские дни, присуждае-ся (19 раз) Международная премия по детской литературе. На учитель-ской конференции "Код Ершова" я и предложил подумать, задуматься на эту тему: "Конёк-Горбунок" — на-циональный эпос России. Большая аудитория, человек 500 педагогов, со мной согласилась. Не противо-речила, не усомнилась.

У "Конька-Горбунка" все каче-ства нацэпоса имеются. Читали же. Читают два века. Десятка два поколений россиян. Читают с удовольствием, слушают от мам, бабушек, дедушек. Эстафета поко-лений. Из поколения в поколение. "Конёк" переведён на все языки народов Советского Союза и Рос-сийской Федерации. Более двух-сот языков мира. В Европе особый интерес к "Коньку" проявили после мая 1945-го. Победённые хотели знать — кто же их победил. Всепо-беждённая Европа.

Весь мир узнаёт русских по "Коньку-Горбунку". Я не преувели-чиваю. Не по Ленину же.

Что привлекает в "Коньке" чита-тельское человечество? "Конёк" — это сама Россия, самопредставление России, это русский дух и русская душа. Самопрезентация русско-го характера. Простой сибирский Иван — личность идеально зем-ная, но планетарно космическая. Узнаешь себя? Может, незамысло-вато и не очень серьёзно для наци-онального эпоса? Но мы же — на-род весёлый, работящий, озорной, бесшабашный. Простодушный, до-бродушный и великодушный. Про-стая душа. Добрая душа. Великая душа. "Конёк" — это о каждом из нас и о нас всех вместе.

"Конёк-Горбунок" — русский че-ловек может всё! Фундаменталь-но! Эпически.

Понятно, это о-о-очень долго-временный процесс — народное единство в утверждённости наци-онального эпоса. Не на одно поко-ление. Но если эпическая Россия рассуждает жить долго — ей без национального эпоса не обойтись.

Что нам, современникам, де-лать? Ты сколько раз издавал "Конька-Горбунка"? Пятнадцать? И всё — шедевры, и иллюстраторы один гениальнее другого. А послед-нее твоё издание "Конька" — про-сто роскошный шедевр книгоискус-ства всего третьего тысячелетия. Вот это так и надо делат! Нацио-нальный эпос достоин только вы-сокого книжного мастерства. И код Ершова рано или поздно войдёт в эпический код русского народа.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Ты впереди всех: издаёшь своё творческое наследие в кни-гах-флешбуках, фильмах, смешаваешь литературный и художественный жанры в од-ном издании. Эта издательская форма интересна читателям, но остаётся до сих пор исклю-зивом. Почему никто из твоих коллег не может (или не смеет?) её повторить?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК. Во-прос не ко мне. А форматы очень удобные. Не толстые ко-собрание сочинений, а книга книг, книга-библиотека. 200 граммов. Книга книг — это же Библия? А фильмбук, книга фильмов — не-вероятное сочетание, сопря-жение книги и документально-го кино. Единственный раз на планете. Книга бессмертна. Мы ещё не знаем всех вариантов её развития. Но, наверное, нам с Сергеем Симаковым есть чем гордиться — мы неповторимы и уникальны, оставаясь фанатами бумажных книг.

Да, современное человечество пока не заметило изобретения, равного подвигу Иоганна Гутенбер-га. Пока — для избранных, но ведь и рукописная книга, и печатная на-чинали с этого — для избранных.

О смешении жанров.

Я всё ещё стесняюсь называть себя "писателем". Не Чехов. Не Платонов. Мне больше нравится: "слагатель слов". Плюс — автор книг. Пишу в жанре "Книга". Спасибо тебе, кавалер рыцарского орде-на Книги.

Когда мне пеняли, что написан-ное мной ни в один жанр не вме-щается — не рассказ, не очерк, не роман, не стихи, не эссе, не афоризмы, — я себя утешил: мой жанр — Омельчук. Читаешь Омель-чука — не ломай голову: в каком жанре он работает. Читается? С интересом? Это важнее всего.

Аркадий ЕЛФИМОВ. Какими важными открытиями в своей жизни ты мог бы поделиться?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК. Могу. Окружающему современному че-ловечеству может пригодиться, но, честно — наверняка это баналь-ности. У человека — три родителя: мама, папа и родное место.

Почему твоего главного попи-теля фонда Ю.К. Шафраника, пре-дельно занятого человека, так тя-нет в родной ишимский Карасуль, и три-четыре раза в году он выкраи-вает время, чтобы побывать в род-ных местах? Почему меня тянут в родное Могочино отцовские тополя и родительская могилка?

Я открыл для себя ген родины. Всякий ген — это отдельный чело-веческий талант. Родное место и манит, и помнит тебя. Оно — коор-дината твоей души на родной пла-нете, залог твоего планетарного бессмертия. Только с родным ме-стом ты — планетарное существо, а не пыль на ветру.